

Н. Рязанов

**Материалы для выработки
партийной программы**

**Выпуск 1. Новая программа
"Рабочего дела"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Рязанов**
Материалы для выработки партийной программы: Выпуск 1. Новая программа "Рабочего дела" / Н. Рязанов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 54 с.

ISBN 978-5-458-08043-9

ISBN 978-5-458-08043-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТІЯ.

Если старая программа „Рабочаго Дѣла“ заключала въ себѣ много такого, что заставляло всякаго „ортодокса“ усомниться, стоит ли она на почвѣ международного *научнаго* социализма и „придаться“ на этомъ основаніи къ тому, что многіе доброжелатели редакціи „Рабочаго Дѣла“ считали только стилистической оплошностью, то исправленные общія положенія новой программы должны были бы уничтожить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ. Но это только кажется. Заявивъ теперь вполне опредѣленно, что „заграничный Союзъ Русскихъ Соціалъдемократовъ“ дѣйствуетъ на почвѣ международного *научнаго* социализма“, инструкціи сейчасъ же уничтожаютъ все значеніе этого заявленія.

„Дѣятельность социаль-демократіи можетъ быть цѣлесообразной лишь подѣ тѣмъ условіемъ, если она руководствуется не только общими принципами научнаго социализма, но и 1) общими политическими условіями и конкретными соотношеніями общественныхъ классовъ данной страны и 2) степенью развитія рабочаго движенія“. Когда мы въ критикѣ старой программы „Рабочаго Дѣла“ подвергали это „не только-но и“ подробному разбору, насъ обвиняли въ злостной придирчивости. Но эти обвиненія — плодъ недоразумѣнія. Наши добросердечные читатели не замѣчали, что въ этомъ абзацѣ редакціей „Рабочаго Дѣла“ былъ формулированъ тотъ *punctum saliens*, который отличаетъ программу „Рабочаго Дѣла“ отъ программы доктринеровъ, звать ничего не желающихъ, кромѣ „общихъ принциповъ научнаго социализма“. Съ своей стороны, мы можемъ только принести глубокую благодарность редакціи, которая теперь своимъ комментариемъ къ этому абзацу показываетъ, какое громадное значеніе она ему придаетъ. Оказывается, что именно это „не только-но“ и является „основнымъ взглядомъ Союза на тактику“. Намъ нечего, поэтому, придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ въ статьяхъ редакціи „Рабочаго Дѣла“. Неудачныя мѣста, несогласныя съ программой заявленія, стилистическіе промахи возможны въ статьяхъ даже такихъ органовъ, которые держатся вполне безупречной программы. Нелегальному писателю приходится работать при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, часто на слѣхъ, не имѣя возможности внимательно просмотрѣть статью, которую сейчасъ же надо сдать въ печать. Но программа — не статья. Она, вѣдь, пишется не „съ пылу, съ жа-

ру“, она обдумывается и взвѣшивается самымъ тщательнымъ образомъ. Всякое предположеніе со стороны критика, что авторы программы дѣлали свое дѣло „спустя рукава“, не имѣя ни малѣйшаго понятія о значеніи того дѣла, которое они взяли на себя, было бы только оскорбительнымъ для нихъ. Они должны быть готовы къ самой придирчивой критикѣ. Имъ не слѣдъ обижаться на придирчивость, она только приноситъ имъ честь, потому что показываетъ, что критикъ относится съ уваженіемъ къ ихъ работѣ, не считаетъ ее произведеніемъ, выскочившимъ изъ головы „непризнаннаго гения“ или бездарныхъ кропателей. По справедливому выраженію Каутскаго, „программу надо разсматривать въ лупу“. Авторы программы могутъ доказывать, что придирки критика *не основательны* — это ихъ право; но жаловаться на самый фактъ *придирчиваго* отношенія къ *программѣ* значило бы подписывать себя *testimonium paupertatis*.

Поэтому мы, какъ и въ разборѣ старой программы Раб. Дѣла *), объектомъ своихъ критическихъ замѣчаній выбираемъ исключительно новую программу и комментарий къ ней, статьями же „Рабочаго Дѣла“ будемъ пользоваться только для иллюстраціи.

Но послушаемъ сначала, что говоритъ намъ комментарий.

„Критеріемъ при пересмотрѣ инструкцій служилъ основной взглядъ Союза на тактику. Мы имѣемъ въ виду формулировку условій цѣлесообразности социаль-демократической дѣятельности, стоящую во главѣ старыхъ и новыхъ инструкцій, — съ той только разницею, что въ послѣднихъ этотъ же основной взглядъ очищенъ отъ временныхъ примѣсей, въ прежней формулировкѣ затемнявшихъ его истинный, постоянный смыслъ соображеніями, примѣнимыми только къ тогдашнему состоянію русскаго социаль-демократическаго движенія, или же высказывавшимися въ виду своей новизны для того времени. **“). Каковы же эти временныя примѣси, въ чемъ состоятъ эти соображенія, какимъ образомъ редакция отдѣлила „примѣся“ и получила чистый „истинный и постоянный“ алмазъ своего основного взгляда на тактику?

„Въ новой формулировкѣ прибавлено ясное указаніе на „общія политическія условія“; далѣе, „насущныя потребности русскаго рабочаго движенія на данной ступени его развитія“ замѣ-

*) См. „Замѣчанія на программу „Раб. Дѣла“, „Заря“ № 1.

**) Мы не хотимъ придираться къ отдѣльнымъ выраженіямъ. Но неужели авторы комментарія не понимаютъ, какъ странно звучитъ фраза о „примѣсяхъ“, *затемнявшихъ* смыслъ извѣстнаго взгляда соображеніями „высказывавшимися въ виду своей новизны для того времени“. Развѣ въ программѣ мѣсто для такихъ „затемняющихъ примѣсей“ только потому, что онѣ „новы“? Не слѣдствие ли это неумѣренной страсти открывать давно открытыя Америки?

нены общимъ, всегда(?) и всюду(?) примѣнимымъ выраженіемъ : „степень развитія рабочаго движенія“; наконецъ, выброшено указаніе на необходимость „считаться съ разнообразіемъ мѣстныхъ условий и уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса“. Это указаніе въ настоящее время было бы излишне и вредно. Излишне, поскольку рѣчь идетъ о техническихъ приемахъ агитаціи, такъ какъ всѣ наши организаціи достаточно опытны въ этомъ отношеніи; вредно, поскольку подъ этимъ указаніемъ можно понимать преобладаніе мѣстнаго элемента надъ общепартійными задачами политической борьбы“.

Предъ нами теперь очищенный отъ всякихъ примѣсей „чистый“, какъ снѣгъ альпійскихъ вершинъ, „основной взглядъ Союза на тактику“. И именно въ этомъ взглядѣ мы и должны искать объясненіе съ такой помпой преподнесенной „тактики-процесса“. Все, отъ чего Союзъ якобы отказался — конечно, подъ давленіемъ „сильнаго роста социаль-демократическаго движенія“ — все это благополучно принято назадъ подъ прикрытіемъ всеспасающаго „не только — но и“, или, иначе говоря, „съ одной стороны — должно сознаться, съ другой — нельзя не признать“.

Товарищъ Кричевскій, какъ видно изъ его сердитато замѣчанія въ статьѣ 10 № „Рабочаго Дѣла“, совершенно не согласенъ съ моимъ объясненіемъ генезиса этого тактическаго алмаза. Въ то время какъ я, показавъ логическую нелѣпость такого словосочетанія, старался дать ему „историко-психологическое“ объясненіе, товарищъ Кричевскій, наоборотъ, желаетъ превратить его въ формулировку „философскихъ основъ тактики“, формулировку, выбранную только „подъ давленіемъ“ требованій логики. Ниже мы, съ помощью товарищей В. И—на и Мартынова, докажемъ товарищу Кричевскому вѣрность нашего историко-психологическаго объясненія этой логической нелѣпости, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о соотношеніи между принципами и тактикой. Товарищъ Кричевскій не посѣтуетъ на насъ, если въ данномъ случаѣ мы нѣсколько подробно остановимся на его статьѣ въ 10 № „Рабочаго Дѣла“.

Его, какъ видно, уже давно занимаетъ вопросъ — „каково правильное и нормальное отношеніе между принципами и тактикой и что собственно пужно понимать подъ тактикой“. Товарищъ Кричевскій въ своей статьѣ старается рѣшить этотъ вопросъ. Къ сожалѣнію, намъ придется прибѣгнуть къ приему, который можетъ не понравиться товарищу Кричевскому, но который безусловно необходимъ, чтобы очистить этотъ вопросъ отъ различныхъ затемняющихъ его „примѣсей“. Какъ говоритъ товарищъ Кричевскій, „этотъ вопросъ очень мало разработанъ и по-

ка находится въ той предварительной стадіи, черезъ которую проходятъ всякіе вопросы и взгляды вообще (особенно въ области общественной дѣятельности), для очень многихъ дѣятелей онъ все еще находится, такъ сказать, за предѣлами или на порогѣ сознанія, хотя и опредѣляетъ собою ихъ практическую дѣятельность“. Какъ видно изъ этой статьи, за предѣлами сознанія товарища Кричевскаго боролось нѣсколько рѣшеній этого вопроса и перескочили они за порогъ сознанія, не покончивши всѣхъ счетовъ между собою. Этимъ и объясняется разнообразіе его опредѣленій тактики, послужившихъ предметомъ разсмотрѣнія остроумнаго фельетона въ 10 № Искры. Мы, поэтому, оставимъ въ покоѣ тактику, какъ „процессъ роста партійныхъ задачъ, растущихъ вмѣстѣ съ партіей“, тактику, какъ философію дѣятельности, тактику, какъ общій характеръ практической дѣятельности, тактику, какъ технику и ихъ же имена ты, господа, вѣси! Мы остановимся только на той формулировкѣ „философскихъ основъ тактики“, которая легла въ основаніе очищеннаго отъ всякихъ примѣсей „основного взгляда Союза на тактику“.

Вотъ эта формулировка: „Правильная тактика есть результатъ взаимодействія между принципами, указывающими цѣль движенія („не только“, „съ одной стороны должно сознаться“), и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе („но и“, „но съ другой стороны нельзя не признаться“). Другими словами, дѣятельность партіи должна опредѣляться *постояннымъ* и въ извѣстномъ смыслѣ *абстрактнымъ* элементомъ принциповъ — съ одной стороны, и *измѣнчивымъ* и конкретнымъ элементомъ окружающихъ условій — съ другой“.

Надо отдать справедливость товарищу Кричевскому: трудно выразить болѣе ярко сущность оппортунизма въ социаль-демократіи.

Пусть товарищъ Кричевскій не обижается! Пусть не ссылается на статью въ 11-12 книжкѣ „Рабочаго Дѣла“, въ которой онъ якобы сводить счеты съ оппортунизмомъ въ международной социаль-демократіи, на самомъ же дѣлѣ лишній разъ свидѣтельствуешь, какое глубокое впечатлѣніе произвели на него статьи Жореса, въ которыхъ послѣдній предпринялъ „реформу“ марксизма *).

*) „Читатель видитъ, что Адлеръ сильно подчеркиваетъ положительную или *творческую* сторону пролетарской борьбы, отмѣченную мною въ первой главѣ этого обзорѣ. Но онъ ее видитъ исключительно въ *психологическомъ* свѣтѣ. Этого, по моему мнѣнію, недостаточно: творческая работа пролетаріата не менѣе важна и тѣмъ, что она готовитъ *организационныя формы* социалистическаго „общества“. См. статью: „Обзоръ партійной жизни на Западѣ“. Рабочее Дѣло. 11-12, Второй отдѣлъ, стр. 56, прим. Чита-

По совершенно справедливому замѣчанію товарища Кричевскаго, „оппортунизмъ — явленіе международное: онъ имѣетъ большее или меньшее распространеніе почти во всѣхъ странахъ съ развитымъ социалистическимъ движеніемъ. Разныя его формы въ отдѣльныхъ странахъ объясняются особыми условіями данной страны; но основной его характеръ одинъ и тотъ же въ различныхъ странахъ и корни его всюду одни и тѣ же“. Это — осложненіе пролетарской идеологіи — мелкобуржуазной, демократической, отсутствіе рѣзкихъ границъ между классовой борьбой пролетаріата и классовой борьбой мелкой буржуазіи, смѣшеніе массового рабочаго движенія съ социаль-демократическимъ рабочимъ движеніемъ^{*)}, рабочаго движенія ставящаго себѣ цѣлью улучшеніе условій продажи рабочей силы съ рабочимъ движеніемъ, ставящимъ себѣ цѣлью — уничтоженіе условій, при которыхъ возможно существованіе рабочей силы — товара, это — совершенная растерянность якобы марксистовъ предъ критикой Брентано, Зомбартовъ, Шульце-Геверницевъ, Штаммлеровъ, Зиммелей и ихъ русскихъ компиляторовъ.

Что нового внесъ научный социализмъ, что отличаетъ его, съ одной стороны, — отъ утопическаго социализма и отъ массового, стихійнаго рабочаго движенія — съ другой?

„Пока пролетаріатъ не настолькоъ еще развитъ, чтобы

тель видятъ также, что товарищъ Кричевскій до сихъ поръ не выяснилъ себѣ точку зрѣнія научнаго социализма на профессиональныя и кооперативныя союзы. Видѣтъ въ нихъ „организационныя формы социалистическаго общества“ можетъ лишь тотъ, кто, какъ Жорестъ, не хочетъ понять, что эти союзы стоятъ на почвѣ „принциповъ“ товарнаго производства.

*) Въ только что вышедшей книгѣ „Что дѣлать“ товарищъ Ленинъ, развивая подробно сдѣланное мною въ первой статьѣ противопоставленіе массового рабочаго движенія и социаль-демократическаго рабочаго движенія, предпочитаетъ употреблять, вмѣсто „массового рабочаго движенія“, слово трэдъ-юніонизма. Мнѣ кажется, что лучше было бы сохранить ту терминологію, которую употребляютъ наши приверженцы „массового рабочаго движенія“. Трэдъ-юніонизмъ — все таки явленіе, принявшее рѣзкія и опредѣленныя формы, тогда какъ наше „массовое рабочее движеніе“ такъ же неопредѣленно и расплывчато, какъ неопредѣленны и расплывчаты теоріи его защитниковъ. Наши „массовики“ до сихъ поръ еще, несмотря на свои „профессиональныя“ симпатіи, не понимаютъ, что „трэдъ-юніонизмъ“, какъ онъ сложился на англійской почвѣ, является осадкомъ рѣзко политическаго движенія рабочаго класса, что онъ предполагаетъ наличность такихъ политическихъ „конкретныхъ соотношеній общественныхъ классовъ данной страны“, осуществленіе которыхъ для Россіи отодвигается тѣмъ дальше, чѣмъ больше будетъ преобладать массовое рабочее движеніе надъ социаль-демократическимъ рабочимъ движеніемъ.

сложиться въ особый классъ, пока самая борьба пролетаріата съ буржуазіей не имѣетъ еще, слѣдовательно, политическаго характера, и пока производительныя силы еще не до такой степени развились въ нѣдрахъ буржуазіи, чтобы дать возможность найти матеріальныя условія, необходимыя для освобожденія пролетаріата и для образованія новаго общества, — до тѣхъ поръ теоретики пролетаріата оказываются утопистами, кторые — чтобы помочь нуждамъ угнетеннаго класса — придумываютъ системы и стремятся найти обновляющую науку“. „Открывъ“ нѣсколько „принциповъ“ и создавъ съ ихъ помощью „планъ“ новаго общества, они старались привлечь на свою сторону сильныхъ міра сего, чтобы скорѣе осуществить его. Рецептъ былъ готовъ, рецептъ настолько дѣйствительный, что достаточно было, по мнѣнію утопистовъ, одного удачнаго эксперимента, чтобы убѣдить всѣхъ въ его спасающей силѣ. Утописты, поэтому, обращались всегда безразлично ко всему обществу, и даже преимущественно къ господствующему классу“. Политику они отрицали, какъ совершенно ненужный элементъ. Вся „тактика“ ихъ состояла въ возможно болѣе яркомъ и привлекательномъ изображеніи „принциповъ“, или, какъ выражается товарищъ Кричевскій, у нихъ „принципы поглощали тактику“. Говоря точнѣе, отрицая политическую дѣятельность вообще, они не нуждались въ руководствѣ для нея. „Они понимали, правда, что съ своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе страдающаго. Но только въ этомъ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса и существовалъ для нихъ пролетарій“. Во всѣхъ ихъ расчетахъ онъ игралъ пассивную роль. Предполагалось, что онъ, какъ утопающій за соломинку, сейчасъ же схватился за новый „планъ“, обещающій ему выходъ изъ этой „юдоли плача“. Несравненно важнѣе было обезпечить себѣ сочувствіе господствующаго класса. Всякая попытка самодѣятельности со стороны рабочаго класса только мѣшала осуществленію ихъ плана. Вотъ почему утописты не менѣе усердно, чѣмъ и буржуазные экономисты, возставали противъ „экономической борьбы“ рабочаго класса. „Экономисты хотятъ, чтобы рабочіе оставались въ обществѣ, какимъ оно сложилось въ настоящее время и было записано и пропечатано экономистами въ ихъ учебникахъ. Соціалисты совѣтуютъ оставить въ покоѣ старое общество, чтобы съ тѣмъ большею легкостью войти въ новое, предуготовленное ими, соціалистами, съ такой предусмотрительностью“.

Но „несмотря ни на тѣхъ, ни на другихъ, вопреки учебникамъ и утопіямъ“ вмѣстѣ съ развитіемъ капиталистическаго производства росло и развивалось рабочее движеніе.

Изолированная борьба отдельнаго рабочаго противъ капиталиста уступаетъ мѣсто коллективной, борьба рабочихъ одной фабрики замѣняется борьбой всѣхъ рабочихъ данной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности противъ группы капиталистовъ. Съ количественнымъ распространениемъ крупной промышленности растетъ и число мѣстностей, охватываемыхъ этой борьбой. Чисто стихійное „массовое“ движеніе рабочихъ все больше уступаетъ мѣсто сознательному „массовому“ движенію. Рабочіе все больше и больше наталкиваются на необходимость организоваться въ своей борьбѣ противъ капиталистовъ. Съ ростомъ стачечнаго движенія развивается и стремленіе оформить его, дать ему прочную основу въ видѣ профессиональныхъ рабочихъ союзовъ. Въ этой борьбѣ рабочіе наталкиваются съ первыхъ же шаговъ на сопротивленіе государства. Они скоро убѣждаются, что „политическая власть, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть организованная сила извѣстнаго класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса“. Начинается борьба за „политическія права“, безъ которыхъ невозможно развитіе профессиональнаго движенія. Прежде, чѣмъ рабочій классъ начинаетъ борьбу за достиженіе политической власти, онъ долженъ добиться сначала права вести свою классовую борьбу. А это въ высшей степени трудная задача. Ни въ чемъ не выражается такъ ярко классовый характеръ современнаго государства, исторически развивающагося на почвѣ капитализма, какъ именно въ томъ упорномъ противодѣйствіи, которое оно оказываетъ стремленіямъ рабочихъ къ улучшенію условій продажи своей рабочей силы. Считаая своей миссіей охранять каждаго продавца товаровъ, давая ему возможность продавать свой товаръ на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, оно дѣлаетъ исключеніе только для продавцевъ рабочей силы. Уже долго спустя послѣ того, какъ рабочій добился всяческихъ свободъ, онъ все еще не можетъ добиться свободы ставить свой товаръ въ наиболѣе выгодныя условія для продажи. Свидѣтель — Англія, гдѣ рабочіе до сихъ поръ еще не обезпечили себѣ свободное пользованіе всѣми средствами для повышенія цѣны своего товара, которыми свободно пользуются капиталисты. Но разъ добившись права вести классовую борьбу, права организоваться въ профессиональные союзы, рабочіе могутъ долго оставаться на этой ступени, не помышляя даже о необходимости борьбы противъ самыхъ „основъ“ общества. Чѣмъ больше процессъ развитія рабочаго класса носилъ „стихійный“ характеръ, чѣмъ меньше онъ являлся уже предвидѣннымъ результатомъ дѣйствія силъ, наблюдавшихся въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ дольше онъ застаивался на различныхъ своихъ фазахъ, тѣмъ больше рабочіе проникались сознаниемъ, что капиталистическій строй единственно существовавшій и возможный строй. Борьба рабочихъ можетъ

носить рѣзко выраженный политическій характеръ, они могутъ добиться значительной доли политической власти (Австралія и Новая Зеландія), но борьба рабочихъ съ капиталистами все еще является только борьбой различныхъ группъ продавцевъ товаровъ какъ, напр., борьба между производителями хлѣба и фабрикантами. Въ разныхъ странахъ борьба эта въ зависимости отъ историческихъ и мѣстныхъ условій можетъ принимать различныя формы, но долго и очень долго можетъ носить глубоко *буржуазный* характеръ. Понятно, что и идеологія этого движенія будетъ чисто буржуазной по той простой причинѣ, что цѣли движенія, если и идутъ въ разрѣзъ съ интересами нѣкоторыхъ классовъ буржуазнаго общества, нисколько не идутъ въ разрѣзъ съ интересами буржуазнаго общества въ его цѣломъ. Такъ, профессиональные союзы даже въ самой развитой ихъ формѣ не только не служатъ „организационными формами социалистическаго общества“; но, наоборотъ, являются необходимымъ составнымъ элементомъ *буржуазнаго капиталистическаго* строя. Создается типъ рабочихъ, не мѣжь, чѣмъ капиталистъ, убѣжденныхъ въ святости и неприкосновенности, „основъ“. Поверхностному наблюдателю, убѣжденному, что рабочее движеніе приводитъ „всюду и всегда“, „само собою“ къ социализму, можетъ даже показаться, что это движеніе не имѣетъ „программы въ собственномъ смыслѣ слова.“ Онъ, какъ товарищъ Кричевскій, скажетъ : у этихъ рабочихъ „тактика поглощаетъ принципы“. И онъ ошибется: *ихъ тактика* совершенно соответствуетъ *ихъ принципамъ*.

Такимъ образомъ, мы, съ одной стороны, имѣемъ „общія положенія социализма“, „конечную цѣль“, „принципы, указывающіе цѣль движенія“, съ другой — „конкретныя условія, въ которыхъ происходитъ движеніе“. Социализмъ жилъ и развивался самъ по себѣ, зная ничего не желая о „конкретныхъ условіяхъ“, и относился крайне отрицательно къ „постепенно подвигающейся впередъ классовой организации пролетаріата“. Больше того: многие утописты съ ожесточеніемъ выступали противъ всякаго политическаго движенія рабочихъ, вызываемаго, по ихъ мнѣнію, лишь слѣпымъ невѣріемъ въ новое евангеліе. А съ другой стороны „само по себѣ“ развивалось и крѣпло рабочее движеніе. И понятно, что „когда поднимавшая свою голову часть пролетаріата въ своей борьбѣ не только не находила поддержки у этихъ социалистовъ, но скорѣе встрѣчала сопротивленіе, когда ученія социализма („общія положенія социализма“, „принципы“) скорѣе грозили внести малодушіе, чѣмъ усилить энергію этой борьбы, тогда въ пролетаріатѣ легко развивались недоувѣріе и антипатія не только противъ *даннаго* отношенія социализма къ его борьбѣ, но и вообще противъ социализма“. Это — крайне опасное явленіе, такъ какъ указываетъ на то,

что крѣпнеть и развивается „чисто рабочее движеніе“. И именно тогда, когда социализму и рабочему движенію грозила опасность разойтись въ разныя стороны, когда „общія положенія социализма“ и „конкретное соотношеніе общественныхъ классовъ данной страны и рабочее движеніе“ не имѣли, казалось, ничего общаго между собою, явились Марксъ и Энгельсъ съ своей теоріей социализма. Нужно ли еще излагать, что собственно новаго они внесли? Сдѣлаю это въ нѣсколькихъ словахъ для редакціи „Рабочаго Дѣла“ въ надеждѣ, что и на этотъ разъ мои замѣчанія „упредить ростъ социаль-демократическаго рабочаго движенія“ и, такимъ образомъ, лишній разъ докажутъ редакціи, какъ опасно заниматься открытіемъ давно открытыхъ Америкъ.

Если бы Марксъ и Энгельсъ обладали философскою подготовкой товарища Кричевскаго, они рѣшили бы вопросъ такъ же просто, какъ сдѣлалъ это онъ. Усвоивъ себѣ готовую схему „общихъ положеній социализма“ „принципы, указывающіе цѣль движенія“, они бы поставили ихъ въ „взаимодѣйствіе“ съ „конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе.“ Проклятый вопросъ былъ бы рѣшенъ. Но Марксъ и Энгельсъ прошли чрезъ школу Гегеля и знали очень хорошо, что всякая попытка привести въ взаимодѣйствіе два фактора, не имѣющихъ общаго генезиса, привела бы только къ механическому соединенію несоединимыхъ элементовъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ опять разошлись бы въ различныя стороны. Причина (въ данномъ случаѣ, говоря словами товарища Кричевскаго, „постоянный и въ извѣстномъ смыслѣ абстрактный элементъ принциповъ“) только тогда могла бы породить желательное слѣдствіе, т. е. сліяніе социализма съ рабочимъ движеніемъ, если бы она уже заранѣе заключалась въ „измѣнчивомъ и конкретномъ элементѣ окружающихъ условій.“ Предъ Марксомъ и Энгельсомъ встала задача: изслѣдовать дѣйствительность, оставивъ въ сторонѣ всякіе „принципы“, какъ бы дороги они ни были. Взяться за рѣшеніе такой задачи могли только геніальные мыслители и мужественные борцы, не убаюкивающие себя никакими иллюзіями. И задача была блестяще рѣшена. Оказалось, что „человѣчество ставитъ себѣ только такія задачи, которыя оно въ состояніи рѣшить, такъ какъ при болѣе внимательномъ наблюденіи всегда оказывается, что задача только потому и возникаетъ, что матеріальныя условія ея рѣшенія уже имѣются на лицо, либо находятся въ процессѣ своего образованія.“ Социализмъ такимъ образомъ оказывался не измышленіемъ нѣсколькихъ чудакъ, осужденнымъ на бесслѣдное исчезновеніе. Капиталистическій процессъ производства (буржуазныя условія производства) самъ подготавливаетъ условія своего собственнаго уничтоженія, производя матеріальныя и интеллектуальныя элементы социалистическаго

строю. Онъ самъ подготовляетъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, производя все большія массы пролетаріата и обостряя противоположность интересовъ между ними и капиталистами. „Капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ благого умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бывають всегда только буревѣстниками кризиса.“ Рапо или поздно, рабочее движеніе, такой же „необходимый продуктъ капиталистическаго производства, какъ хлопчато-бумажная пряжа, self-factor'ы и электричество“ достигнетъ такого положенія, когда возвратъ уже невозможенъ и сами условія будутъ взывать: *Hic Rhodus, hic Salta*,“ или „Война или смерть; кровавая борьба или уничтоженіе. Такова неотразимая постановка вопроса.“ „Стачки, коалиціи и другія формы, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію,“ представляютъ необходимыя звенья „постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетаріата.“ Поэтому, нѣтъ ничего основательнѣе того „трансцендентальнаго презрѣнія,“ съ которымъ относились къ нимъ какъ утописты, такъ и революціонеры, первые — считая ихъ совершенно безпозезными, вторые — безусловно вредными, такъ какъ они отвлекають рабочихъ отъ единственно-важнаго дѣла — революціи, давая имъ возможность улучшить свое положеніе уже при существующихъ условіяхъ. Только получивъ возможность использовать всѣ средства, предоставляемыя въ его распоряженіе развитымъ капиталистическимъ обществомъ, рабочій классъ осязательно пойметъ, что „условіе освобожденія трудящагося класса есть уничтоженіе всякихъ классовъ.“ Такъ называемыя „реформы“ только ускоряють развитіе капиталистическаго процесса производства, приближая тотъ моментъ, когда данная общественная формація разовьеть всѣ производительныя силы, на которыя она способна, и въ нѣдрахъ ея окончательно созрѣють всѣ матеріальныя предпосылки будущаго строя. Но эти реформы убавкиваютъ пролетаріатъ? Ничуть. Онѣ только устраняють всѣ побочныя обстоятельства, въ которыхъ рабочій классъ видитъ еще причины своего жалкаго положенія, онѣ срываютъ многочисленные покровы, подъ которыми скрывается его настоящій врагъ*).

Теперь, можетъ быть, тов. Кричевскому ясенъ будетъ смыслъ слѣдующихъ словъ „Манифеста Коммунистической партіи“ : „Коммунисты не составляютъ какой либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ.

*) Подробно мы коснемся вопроса о соотношеніи между реформами и революціей въ подготовляемой нами къ печати брошюрѣ: „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше — или чѣмъ лучше, тѣмъ лучше.“